

EUROPEAN SCIENCE

2014. № 1

EDITOR IN CHIEF

Valtsev S.

EDITORIAL BOARD

Anan'eva E. (PhD in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc.), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc.), *Gubareva T.* (PhD Laws), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc.), *Zhamuldinov V.* (PhD Laws), *Il'inskih N.* (D.Sc. Biological), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Matveeva M.* (PhD in Pedagogic Sc.), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc.), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (PhD in Pedagogic Sc.), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics), *Skipko T.* (PhD in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc.), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics), *Cuculjan S.* (PhD in Economics), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc.).

Publishing house «PROBLEMS OF SCIENCE»

Founded in 2009. Issued monthly

153008, Russian Federation, Ivanovo, Lezhnevskaya st., h.55, 4th floor

Phone: +7 (910) 690-15-09.

<http://scienceproblems.ru> e-mail: admbestsite@yandex.ru

Moscow
2014

EUROPEAN SCIENCE

2014. № 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Вальцев С.В.

Заместитель главного редактора:
Котлова А.С.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Издается с 2014 года

Выходит 12 раз в год

Сдано в набор:
26.12.2014.
Подписано в печать:
30.12.2014

Формат 70x100/16.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,82
Тираж 1 000 экз. Заказ № 254

ТИПОГРАФИЯ
ООО «ПресСто».
153025, г. Иваново,
ул. Дзержинского, 39, оф.307

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Проблемы науки»
г. Москва

Ананьева Е.П. (канд. филос. наук, Украина), *Асатурова А.В.* (канд. мед. наук), *Байтасов Р.Р.* (канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Блейх Н.О.* (д-р ист. наук, канд. пед. наук), *Богомолов А.В.* (канд. техн. наук), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук), *Гутникова А.В.* (канд. филол. наук, Украина), *Дивненко О.В.* (канд. пед. наук), *Жамудинов В.Н.* (канд. юрид. наук), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук), *Курманбаева М.С.* (д-р биол. наук, Казахстан), *Матвеева М.В.* (канд. пед. наук), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук), *Саньков П.Н.* (канд. техн. наук, Украина), *Селитреникова Т.А.* (канд. пед. наук), *Сибирцев В.А.* (д-р экон. наук), *Скрипка Т.А.* (канд. экон. наук, Украина), *Сопов А.В.* (д-р ист. наук), *Федоськина Л.А.* (канд. экон. наук), *Цуцулян С.В.* (канд. экон. наук), *Шамишина И.Г.* (канд. пед. наук).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

153008, РФ, г. Иваново, ул. Лежневская, д.55, 4 этаж
Тел.: +7 (910) 690-15-09.

<http://scienceproblems.ru> / e-mail: admbestsite@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС 77 - 60218

Редакция не всегда разделяет мнение авторов статей, опубликованных в журнале

Содержание

PHYSICO-MATHEMATICAL SCIENCES	4
<i>Paramonov M.</i> On the processes in nonlinear reactivity, provoking the emergence and accumulation of energy in the parametric resonance / <i>Парамонов М.И.</i> О процессах в нелинейных реактивностях, провоцирующих возникновение и накопление энергии при параметрическом резонансе.....	4
TECHNICAL SCIENCE	9
<i>Lavrichenko O.</i> Development of sampling analysis of multidimensional structures of the innovative enterprise systems / <i>Лавриченко О. В.</i> Разработка выборочного метода анализа многомерных структур инновационных систем предприятий.....	9
ECONOMIC SCIENCE	17
<i>Kulikov M.</i> Directions of the state support of the industry within the country's accession to the WTO / <i>Куликов М. В.</i> Направления государственной поддержки промышленности в рамках вступления страны в ВТО.....	17
<i>Nosenkova M., Dzabarova A.</i> Public service reform as a mechanism for improving governance / <i>Носенкова М.Ю., Джабарова А.Р.</i> Реформа государственной службы как механизм совершенствования системы управления.....	20
PSYCHOLOGICAL SCIENCE.....	23
<i>Koshkina E.</i> Is the label «Psychopath» more a moral denunciation than a clinical diagnosis? / <i>Кошкина Е. Н.</i> Является ли ярлык «психопат» более морально осуждающим, чем клинический диагноз?.....	23
<i>Il'jushkin V.</i> A stereotyped as an important factor in the perception and cognition of people to each other / <i>Ильюшкин В. В.</i> Стереотипизация как важный фактор в восприятии и познании людьми друг друга.....	31
<i>Motorina N.</i> Violation of educational positions mothers as a factor in the development of severe early childhood adaptation to the conditions of preschool educational institution / <i>Моторина Н. В.</i> Нарушение воспитательных позиций матерей, как фактор развития тяжелой степени адаптации детей раннего возраста к условиям дошкольной образовательной организации.....	37
<i>Motorina N.</i> On the formation of relationships in a dyad «mother-child» in the first years after birth / <i>Моторина Н. В.</i> К вопросу о формировании взаимоотношений в диаде «мать-дитя» в первые годы после рождения ребенка	41

On the processes in nonlinear reactivity, provoking the emergence and accumulation of energy in the parametric resonance

Paramonov M.

О процессах в нелинейных реактивностях, провоцирующих возникновение и накопление энергии при параметрическом резонансе

Парамонов М.И.

Парамонов Михаил Игоревич / Paramonov Mikhail Igorevich – астрофизик, президент европейского научно-исследовательского фонда «XXI Век» (Республика Болгария), заведующий отделом «Зеленая энергетика», Республика Болгария

Annotation: *the author of the article says and proves that the reactivity has a so-called energoobedineny parameters, the change of which determines the condition for the occurrence of the process of increasing accumulated in the reactivity of energy. By logical reasoning proves that the process of increasing energy without external emf. possible without creating a system of parametric excitations.*

Аннотация: *автор статьи рассказывает и доказывает, что реактивность обладает так называемыми энергоопределяющими параметрами, изменение которых определяет условие возникновения процесса увеличения накопленной в реактивности энергии. Путем логических рассуждений доказывается, что процесс увеличения энергии без воздействия внешней э.д.с. возможен и без создания в системе параметрических возбуждений.*

Keywords: *parametric resonance, permeability, energy, energy parameter.*

Ключевые слова: *параметрический резонанс, проницаемость, энергия, энергетический параметр.*

Введение

Задача по производству электрической энергии в настоящее время актуальна, как никогда. Несмотря на многообразие технических средств для производства энергии, мы до сих пор прежде всего используем динамоэлектрический принцип Сименса. Производство электрической энергии посредством перемещения катушек самоиндукции в поле постоянных магнитов настолько не сложно в понимании и в изготовлении, что этот факт не мог не повлиять на путь развития. Между тем, еще в начале XX века группой советских ученых под руководством Леонида И. Мандельштама был разработан и опробован совершенно иной метод генерирования переменных токов посредством параметрического возбуждения. Разработанная теория процесса параметрического возбуждения колебаний позволяет определить условия возникновения и

поддержания параметрического возбуждения. Благодаря исследованиям Л.И. Мандельштама, Н.Д. Папалекси, А.А. Андропова, А.А. Витта, Г.С. Горелика, В.П. Гуляева, М.А. Дивильковского, В.А. Лазарева, В.В. Мигулина, Э.М. Рубчинского, С.М. Рытова, И.Т. Турбовича и др., мы обладаем полным математическим анализом не только процессов гетеропараметрического возбуждения с одной степенью свободы, но и гетеропараметрического возбуждения с двумя и более степенями свободы, автопараметрического возбуждения и вообще резонанса n -го рода. Мы имеем полное представление о мягком и жестком возбуждениях как о частных случаях параметрического резонанса. Эти работы не просто трудно, их невозможно переоценить. Параметрические усилители, в том числе СВЧ-диапазона, фильтры и преобразователи сигнала – все это и многое другое стало возможным благодаря исследованиям начала XX века, когда еще не существовало ни полупроводников (или они только начинали появляться), ни высокоточных приборов для исследований. Остается только недоумевать, что идея производства электроэнергии посредством гетеропараметрических генераторов, предложенная Л. Мандельштамом и Н. Папалекси, не нашла применения. Несмотря на это, до сих пор нет единого понимания физического процесса, происходящего в контуре с нелинейной реактивностью и приводящего к процессу накопления энергии без участия внешней э.д.с. Мои исследования в этом направлении позволили не только выявить *энергоопределяющий* параметр, который и определяет условие возникновения процесса увеличения накопленной в реактивности энергии, но и показать, что для производства электроэнергии вовсе не обязательно создавать в системе параметрические возбуждения. Даже одиночное изменение параметра реактивности способно, при соблюдении определенных условий, увеличить количество накопленной в реактивности энергии. Использование резонанса дает возможность делать это накопление с частотой ω . Ближе к концу настоящей работы я еще вернуться к этому вопросу.

Поиск энергоопределяющего параметра

Давайте определимся, что называть энергоопределяющим параметром. Понятно, что на численную величину емкости или индуктивности влияет множество параметров. Для емкости – это площадь электродов конденсатора, расстояние между ними, диэлектрическая проницаемость среды между пластинами конденсатора; для катушки самоиндукции – количество витков, толщина провода и другие параметры, определяющие ее геометрию, а также магнитная проницаемость среды, в которую помещена эта катушка. Так вот, изменение одного или нескольких параметров емкости или индуктивности не всегда влечет за собой процесс параметрического возбуждения, даже если формально соблюдены все условия: частота

изменения параметра вдвое превышает частоту резонанса контура; логарифмический декремент системы меньше, чем $\frac{1}{2}$ глубины модуляции параметра. Резонно возникает вопрос, какой именно параметр или параметры меняют состояние системы так, что создают процесс прироста накопленной энергии в реактивности. Именно эти параметры я и называю энергоопределяющими.

Катушка самоиндукции

Если в цепи с катушкой индуктивности пропустить импульс тока, то через некий промежуток времени вся энергия из электрической перейдет в магнитную, и ток в цепи станет равен нулю. Мгновенная запасенная энергия в катушке индуктивности будет равна: $W_L = \frac{L_1 i^2}{2} = \frac{\Phi^2}{2L_1}$. В этот самый момент очень быстро (моментально) изменим магнитную проницаемость сердечника катушки – уменьшим ее. Поскольку величина магнитного потока не изменится, а индуктивность катушки уменьшится с величины **L1** до величины **L2**, то ток возрастет: $i = \frac{\Phi}{L_2}$. Из известной формулы по расчету индуктивности соленоида $L = \mu\mu_0 n^2 V$ хорошо видно, что его величина зависит от магнитной проницаемости μ , количества витков на единицу длины соленоида n и объема соленоида. Изменение количества витков и (или) объема неминуемо повлечет за собой изменение величины магнитного потока Φ , что вызовет потерю накопленной в самоиндукции энергии. Значит, только изменение магнитной проницаемости катушки может влиять на процесс прибавления накопленной энергии в катушке.

Давайте предположим, что наши рассуждения неверны. Что произойдет при скачкообразном уменьшении величины самоиндукции, если ток останется неизменным: $i = \text{const}$. Тогда должен уменьшиться магнитный поток Φ . (Поскольку по нашему условию $i = \frac{\Phi}{L} = \text{const}$, то при уменьшении L должен уменьшиться Φ). Как известно, э.д.с. самоиндукции катушки $\varepsilon = -\frac{d\Phi}{dt}$, моментальное изменение параметра повлечет появление э.д.с. бесконечно огромной величины, что невозможно. В таком случае мы просто не сможем изменить проницаемость, например, извлечением сердечника.

Емкость

Давайте в качестве примера рассмотрим емкость. Прежде всего, давайте уточним, что емкость, величина заряда q которой линейно соотносится к напряжению U на ее электродах, считается линейной. Ее вольткулоновская характеристика представляет собой прямую линию, проходящую через начало координат, а емкость C не зависит от напряжения на пластинах. И действительно: $U = \frac{q}{C}$, где $C = \text{const}$, представляет прямую.

Следовательно, в случаях, когда заряд конденсатора q нелинейно зависит от напряжения на его пластинах U , такая емкость считается нелинейной.

Рассмотрим пример с нелинейной емкостью. Конденсатор с емкостью C_1 заряжен до напряжения U , следовательно, величина его заряда равняется: $q = CU$. В этот момент резко изменим расстояние между электродами (пластинами) конденсатора h — увеличим ее, формула по расчету емкости конденсатора: $C = \frac{\epsilon\epsilon_0 S}{h}$. Ясно, что емкость конденсатора уменьшится на ΔC и станет равной некоему значению C_2 . Поскольку величина напряжения на пластинах конденсатора зависит от величины напряженности его электрического поля и расстояния между пластинами $U = Eh$, то напряжение резко увеличится. Напряженность электрического поля останется неизменной. Следовательно, мы увеличили энергию в конденсаторе на $W_C = \frac{q^2}{2C_2} - \frac{q^2}{2C_1}$, где $q = \text{const}$. Мы вправе предположить, что наши рассуждения неверны, и заряд конденсатора также, как и напряжение, резко изменится (т. к. расстояние между электродами было изменено резко), но тогда для такого изменения от системы потребуется бесконечный по величине ток: $i = \frac{dq}{dt}$. При таком условии мы просто не смогли бы разъединить пластины конденсатора! Простейший эксперимент с пластинами и электрометром подтверждает мои рассуждения.

Теперь давайте рассмотрим пример, когда мы изменяем не расстояние между пластинами конденсатора, а диэлектрическую проницаемость ϵ . Когда на электродах конденсатора емкостью C имеется потенциал U , его заряд равен: $q = CU$. Резко изменим проницаемость среды между обкладками конденсатора – уменьшим ее. Это легко сделать несколькими способами. Емкость конденсатора $C = \frac{\epsilon\epsilon_0 S}{h}$ при уменьшении проницаемости уменьшится на ΔC . Напряжение на обкладках конденсатора U резко возрастет: $U = \frac{q}{C}$. Естественно, заряд конденсатора q при этом останется неизменным. Следовательно, мы увеличим энергию в конденсаторе на $W_C = \frac{q^2}{2C_1} - \frac{q^2}{2C_2}$, где $q = \text{const}$. Если предположить, что заряд q тоже изменится резко (т. к. диэлектрическая проницаемость была изменена резко), то, как и в первом случае, этот процесс потребует бесконечного по величине тока: $i = \frac{dq}{dt}$. Что делает невозможным изменение проницаемости между обкладками пластин. Например, если бы мы изменяли (уменьшали) проницаемость путем извлечения текстолитовой пластины, расположенной между электродами конденсатора, то этот процесс стал бы неосуществим даже при самом маленьком заряде конденсатора. Мы не смогли бы сдвинуть ее и на миллиметр! Эксперименты с изменением проницаемости конденсатора путем помещения между пластинами и извлечения куска текстолита, наглядно подтверждают мои рассуждения.

Выводы

Итак, в ходе моих рассуждений можно сделать вывод, что в катушке самоиндукции магнитная проницаемость является тем самым энергоопределяющим параметром, а в емкости роль энергоопределяющего параметра играет диэлектрическая проницаемость или изменение расстояния между электродами конденсатора. Для увеличения накопленной в системе энергии посредством, например, индуктивности необходимо:

1) Накопить всю энергию системы в магнитном поле катушки.

2) Уменьшить индуктивность катушки путем уменьшения магнитной проницаемости сердечника катушки самоиндукции.

Становится понятно, что даже один раз переведя всю электрическую энергию в магнитную и уменьшив магнитную проницаемость сердечника катушки, мы получим увеличение накопленной в системе мощности на $\Delta W_L = \frac{\Phi^2}{2L_2} - \frac{\Phi^2}{2L_1}$. Конечно, на величину накопленной энергии будут влиять потери в системе, но если сумма всех потерь окажется меньше величины прибавки энергии, то мы получаем генератор электрической энергии. Параметрический резонанс позволяет, в идеальном случае, накапливать за секунду энергии $\Delta w \omega$, где ω - частота резонанса.

Литература

1. *Мандельштам Л.И.* «О возбуждении колебаний в электрической колебательной системе при помощи периодического изменения емкости», Полное собрание трудов, том 2, Изд. АН СССР, 1947 год.
2. *Папалекси Н.Д.* «Параметрическое генерирование переменных токов», журнал «Электричество», №11, 67-76, 1938 год.
3. *Мандельштам Л.И.* «О параметрическом возбуждении электрических колебаний», Совместно с Н.Д. Папалекси. Журнал технической физики №3, 5-29, 1934 год.

Development of sampling analysis of multidimensional structures of the innovative enterprise systems

Lavrichenko O.

Разработка выборочного метода анализа многомерных структур инновационных систем предприятий

Лавриченко О. В.

Лавриченко Олег Вячеславович / Lavrichenko Oleg Vyacheslavovich – кандидат экономических наук, инженер-программист, Концерн «Моринформсистема – Агат», г. Москва

Abstract: *the article deals with innovative systems at the micro level, are the basic provisions of the concept of a balanced distribution of innovative enterprise resources between objects of innovation. A probability-sampling method for mathematical modeling of inhomogeneous set of objects of innovation based on the analysis of random samples of their elements, characterized by fluctuations information. A number of distributions to estimate the optimal allocation of resources for innovative random samples from heterogeneous populations of objects of innovation.*

Аннотация: *в статье рассматриваются инновационные системы на микроуровне, приводятся базовые положения концепции сбалансированного распределения инновационных ресурсов предприятия между объектами инноваций. Определен вероятностно-выборочный метод для математического моделирования неоднородных совокупностей объектов инноваций на основе анализа случайных выборок их элементов, характеризуемых информационными флуктуациями. Предложен ряд распределений для оценивания оптимальности распределения инновационных ресурсов на случайных выборках из неоднородных совокупностей объектов инноваций.*

Keywords: *innovative system of the enterprise; the concept of a balanced distribution of resources between objects of the innovations; structured multidimensional hypergeometric distribution; probability-sampling method of the information fluctuations.*

Ключевые слова: *инновационная система предприятия; концепция сбалансированного распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций; многомерное структурированное гипергеометрическое распределение; вероятностно-выборочный метод, информационные флуктуации.*

В течение последних 20 лет в практике и в исследованиях инновационной активности промышленных предприятий основной упор делался на реализации ими инновационных проектов [1]. Автор считает, что в настоящее время необходим переход от проектного подхода в организации нововведений к регулярному менеджменту инновационной деятельности, преобразование ее в системную компоненту производственного процесса [2].

А это, в свою очередь, формулирует следующую проблему: если системность инновационной компоненты операционной деятельности промышленного предприятия выражается в планировании его инновационного развития, понимаемого как перманентный процесс нововведений, то он должен быть основан на сбалансированном (оптимальном) распределении инновационных ресурсов между технологическими, маркетинговыми и организационными объектами инноваций [3].

Ответ на вопрос о структурном балансе инноваций, их динамической взаимосвязи и последовательности, оформленный в алгоритмы и модели, представляется актуальным и востребованным научным знанием со стороны менеджмента инновационно активных организаций. Решение данной задачи позволит сформировать предпосылки для системного, целенаправленного инновационного развития промышленных предприятий, повышения их конкурентоспособности в условиях санкционных ограничений экономической системы России со стороны стран ЕС и США [4]. Однако решать проблему экономической диспаритетности между объектами инноваций весьма затруднительно из-за отсутствия системных принципов организации инновационного процесса на микро-уровне [5], что проявляется в следующем:

- предприятия не имеют выраженной инновационной стратегии и политики нововведений, перспективных планов инновационного развития;
- новшества формируются случайным образом, зачастую ассоциируются только с новыми товарами – продуктовыми технологическим новшествами.

Современные научно-теоретические представления на микро-уровне не могут в полной мере ответить и на ряд ключевых вопросов, а именно:

- какова вариативность параметров инновационного потенциала предприятия применительно к различным отраслям;
- каковы методы оценки перспективной структуры баланса инновационных ресурсов – количественные отношения между технологическими, маркетинговыми и организационными инновациями;
- каковы динамические отношения, последовательность реализации процессных и продуктовых инноваций в практике хозяйственной деятельности промышленных предприятий.

Экономика XX века ознаменовалась появлением огромного количества логически законченных, имеющих свойство универсальной переносимости информационных технологий, математических моделей и алгоритмов, использование которых может приносить достаточно точно прогнозируемые результаты. Умение правильно их использовать, комбинировать и «строить» из этих составных частей более сложные «конструкции» является уже просто необходимым условием развития любой инновационной системы предприятия.

Информационные и когнитивные технологии, наряду с технологиями информационных и управляющих систем, входят в перечень критических технологий современной России, определенных в Указе Президента России № 899 от 7 июля 2011 года, а также являются приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники согласно «Прогнозу научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Поэтому для оптимизации распределения инновационных ресурсов промышленных предприятий между объектами инноваций более перспективным, на наш взгляд, является путь математически корректного учета различий между инновационными системами как многомерными структурами неоднородной совокупности объектов инноваций и случайной выборки их элементов, характеризующихся качественными и количественными признаками, на этапе компьютерных расчетов [6]. Этот подход пока не нашел заметного развития в работах российских исследователей, хотя, требуя значительного объема компьютерных расчетов, и решает указанную задачу.

Анализ качественных признаков процесса сбалансированного распределения инновационных ресурсов между инновациями на промышленных предприятиях неразрывно связан с обработкой разнотипных переменных. Методы решения этой проблемы могут быть связаны, прежде всего, с процедурами «оцифровки» слабых переменных. Однако объективно усилить шкалу измерения трудно, а тип «оцифровки» существенно предопределяет итоговые результаты всего процесса сбалансированного распределения инновационных ресурсов. Второй подход, идея которого связана со свойствами статистик бинарного отношения на множествах, основан на ослаблении всех переменных до булевого уровня с соответствующим увеличением размерности пространства признаков. При этом мы исходим из того, что любое сложное свойство инновационной системы предприятия может быть представлено как суперпозиция его более простых свойств.

Таким образом, имеется возможность декомпозиции свойств инновационных систем до некоторого «элементарного» (с практической точки зрения) уровня [7]. В итоге мы получаем набор дихотомических признаков, описывающих изучаемую проблемно-ориентированную систему

управления инновационной системой не только со стороны сбалансированности распределения инновационных ресурсов промышленных предприятий между объектами инноваций, но и со стороны оптимизации всей инновационной деятельности данного предприятия.

В простейшем случае исследования генеральная совокупность инновационной системы предприятия представляет собой реализуемые им инновации. Пусть на исследуемом предприятии реализуется N инноваций, среди которых $M = vN$ ($0 < v < 1$) инноваций обладают интересующим нас дихотомическим признаком. Производится случайная выборка инноваций объема n . Вероятность того, что в выборку попадут m инноваций, обладающих изучаемым булевым признаком, задается в виде:

$$hy(m|N, M; n) = \binom{N}{n}^{-1} \binom{M}{m} \binom{N-M}{n-m}. \quad (1)$$

Выражение (1) может быть представлено и в виде:

$$\begin{aligned} & hy(m|N, M; n) \\ &= \left(1 + \frac{m}{N-m+1} \right)^{-1} \left(\prod_{l=1}^M \left(1 - \frac{n-m}{N-l+1} \right) \right) \left(\prod_{l=1}^m \frac{(M-l+1)(n-l+1)}{l(N-n+1+l)} \right). \end{aligned} \quad (2)$$

Выражение (2) «выгодно» отличается (в смысле его использования для машинных расчетов) от традиционных представлений, которые основаны на вычислениях (весьма медленно сходящихся) бесконечных сумм или произведений. Пусть случайным образом было исследовано n ($n \ll N$) объектов инноваций. В выборку объектов попало n_j инноваций, относящихся к j -й категории заданной классификации, среди которых «содержательным» признаком обладают n_j^k инноваций. Их число в выборке, имеющих k -й изучаемый признак, равно

$$\sum_j^r n_j^k = n^k. \quad (3)$$

Пусть V_j^k – относительно частоты встречаемости k -го «содержательного» признака среди представителей J -й категории данной классификации:

$$V_j^k = \frac{N_j^k}{N_j}. \quad (4)$$

Частота встречаемости k -го признака по объектам инноваций с помощью категорий априорных классификаций выражается в виде:

$$V^k = (1/N) \sum_j^r N_j^k = \sum_j^r \theta_j V_j^k \leq 1. \quad (5)$$

Введем вектор $\vec{n}_n^k = (n_1^k, n_2^k, \dots, n_r^k) \in R_r^\oplus$. Вероятность $\Pr \{ \vec{n}_n^k, \vec{\theta}, n \}$ того, что в случайной выборке объема инноваций n окажется по данной классификации структура \vec{n}_n и k -й признак будет зафиксирован в виде вектора \vec{n}_n^k имеет вид:

$$\text{Бур} \left(\vec{n}_n^k, \vec{\theta} \mid \vec{n}_v^k, \vec{\theta}; N; n \right) = \binom{N}{n}^{-1} \prod_{j=1}^r \binom{N\theta_j v_j^k}{n_j^k} \binom{N\theta_j(1-v_j^k)}{n_j - n_j^k}. \quad (6)$$

Распределение вероятностей сбалансированности инновационных ресурсов промышленных предприятий между объектами инноваций (6) называется многомерным структурированным гипергеометрическим распределением (МСГГР).

Сегодня в работах российских ученых [8] наблюдается тотальное использование квотных методик при исследовании проблемно-ориентированных систем управления и оптимизации инновационных ресурсов между объектами инноваций. Остановимся на вопросе стохастического обоснования их применения.

Прямые оценки частот встречаемости булевых признаков имеют вид:

$$\hat{v} = m/n. \quad (7)$$

При массовых исследованиях $n \ll N$, а гарантированные оценки погрешности частоты по правилу «трех сигм» оцениваются в виде:

$$\delta \cong 3\sqrt{D\hat{v}} \cong 3\sqrt{\hat{v}(1-\hat{v})/n} \leq 3/2\sqrt{n}. \quad (8)$$

Отсюда легко посчитать, что для выборочного портфеля порядка 1.5–2.0 тыс. инноваций гарантированная погрешность частоты сбалансированности инновационных ресурсов между объектами инноваций равна примерно 3.5%. Для точности оценок в 2% нужно уже порядка 5.5 тыс. исследуемых объектов инноваций. А погрешности в 1% требует исследования около 22.5 тыс. объектов инноваций. Рассмотрим суть метода квотного отбора объектов инноваций, между которыми инновационные ресурсы предприятия распределены сбалансированно.

Из выражения (8) также очевидно, что распределение квотного отбора объектов инноваций в силу произвольности значений v_j невозможно привести к многомерному структурированному МСГГР, в вероятностном смысле строго описывающему случайный отбор. Однако математическое ожидание суммы $m = \sum_j^r m_j$ объектов инноваций, обладающих изучаемым признаком, равно nv , где v – истинная частота появления k -го признака среди всех элементов исследуемой совокупности инноваций и инновационных ресурсов, а ее дисперсия асимптотически стремится к нулю.

Это значит, что квотная оценка частоты является несмещенной и состоятельной оценкой истинной частоты встречаемости изучаемого признака [9]. Следовательно, использование квотных методик правомерно, но, как уже указывалось, сопряжено с невысокой точностью оценок, невозможностью оценить частоты встречаемости по категориям априорных классификаций, высокой стоимостью формирования выборки и низкой оперативностью получения данных [10].

При изучении большой генеральной совокупности объектов инноваций для анализа составляется схема из «содержательных объектов инноваций», между которыми инновационные ресурсы предприятия распределены сбалансированно, общее число вариантов выбора которых равно p . При выборе варианта используются априорные классификации по s -номинальным шкалам, данные по которым есть на предприятии и в Росстате [11]. Как и ранее, без потери в общности изложения, будем рассматривать только одну априорную классификацию, помня, что всего их $s > 1$. Пусть число категорий в данной классификации равно g .

Сохранив принятые выше обозначения, введем структурированное биномиальное распределение (СБР) вида:

$$pB(n_j^k, n_j | v_j^k, \theta_j, n) = \frac{n!}{n_j^k!} \frac{(\theta_j)^{n_j} (1-\theta)^{n-n_j}}{(n-n_j)!} \frac{(v_j^k)^{n_j^k} (1-v_j^k)^{n_j-n_j^k}}{(n_j-n_j^k)!}. \quad (9)$$

СБР определяет вероятность того, что в выборке инновационных систем объема n обнаружено n_j объектов инноваций j -ой категории данной классификации, n_j^k из которых обладает k -м признаком.

Таким образом, если в серии с n выборов инновационных ресурсов предприятия с g «непрерывными» выборами между объектами инноваций рассматриваются абсолютные величины исходов, то мы имеем дело с выражением:

$$chr(\vec{x}|x) = \frac{\Gamma(x+r)}{x^{n+r-1}} \prod_j \frac{x_j^{x\theta_j}}{\Gamma(x\theta_j+1)}. \quad (10)$$

Если же рассматриваются доли величин различных исходов, то его описывает распределение Дирихле:

$$dir(\vec{\xi}) = \Gamma(\alpha_0) \prod_j \frac{\xi_j^{\alpha_j-1}}{\Gamma(\alpha_j)}. \quad (11)$$

Таким образом, предлагаемый нами подход позволяет:

во-первых, определить аналитический аппарат выборочного метода анализа инновационных систем промышленных предприятий как многомерных структур не только для случая неоднородной конечной совокупности объектов инноваций, но и для несчетных неоднородных множеств;

во-вторых, полученный нами ряд распределений вероятностей гипергеометрического и полиномиального вида позволяет построить процедуру оценивания оптимальности распределения инновационных ресурсов промышленных предприятий между объектами инноваций на случайных выборках из их неоднородных совокупностей, описываемых качественными и количественными признаками в рамках концепции их сбалансированного распределения для устранения диспаритетности.

Литература

1. *Лавриченко О. В.* Декомпозиция задачи оптимизации сбалансированного распределения инновационных ресурсов промышленного предприятия между объектами инноваций // Молодой ученый. 2014. № 10 (60). С. 164-168.
2. *Лавриченко О. В.* Математическое обеспечение системы сбалансированного распределения инновационных ресурсов промышленных предприятий между объектами инноваций // Журнал научных и прикладных исследований. 2014. № 5. С. 74-80.
3. *Lavrichenko O. V.* Intentionality of the theory of economics of active connect // Paradigmata poznani. Prague. 2014. № 3. p. 22-28.
4. *Лоскутов А. Б., Солнцев Е. Б., Петрицкий С. А., Терентьев П. В.* Методика интегральной оценки уровня энергоэффективности непромышленных объектов // Инженерный вестник Дона, 2014, № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2477 (дата обращения 20.12.11 г.).
5. *Земцов А. Н., Болгов Н. В., Божко С. Н.* Многокритериальный выбор оптимальной системы управления базы данных с помощью метода анализа иерархий // Инженерный вестник Дона, 2014, № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2014/2360 (дата обращения 20.12.14 г.).
6. *Fouchal H., Gandibleux X., LeHuede F.* Preferred solutions computed with alabal setting algorihm based on Choque integral for multi-objective shortest paths // Simposium on computational intelligence in multicriteria decision-making. 2011. pp. 76-78.
7. *Galand L., Parny P., Spanjard O.* A branch and bound Choque integral optimization in multicriteria problems // Multiple criteria decision making for sustainable energy and transportation systems. 2010. pp. 355-365.
8. *Подиновский В. В., Ногин В. Д.* Парето–оптимальные решения многокритериальных задач. М.: Наука, 1982. 256 с.
9. *Подиновский В. В.* Об относительной важности критериев в многокритериальных задачах принятия решений // Многокритериальные задачи принятия решений. М.: Машиностроение, 1978. С. 48-92.

10. *Nelyubin A., Podinovskiy V.* Algorithmic decision rule using ordinal criteria importance coefficients with a first ordinal metric scale // *Comput. Math. Math. Phys.* 2012. № 1. P. 43-59.
11. *Лазарев Е. А., Мисевич П. В., Шапошников Д. Е.* Бикритериальная модель сети передачи данных // *Системы управления и информационные технологии.* 2011. № 3.2 (45). С. 255-258.

Directions of the state support of the industry within the country's accession to the WTO

Kulikov M.

Направления государственной поддержки промышленности в рамках вступления страны в ВТО

Куликов М. В.

Куликов Михаил Викторович / Kulikov Mikhail Victorovich – аспирант, кафедра региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Abstract: *this article describes the directions of the state support of the industry in the region in the context of WTO accession.*

Аннотация: *в данной статье описываются направления государственной поддержки промышленности региона в рамках вступления в ВТО.*

Keywords: *industry, region, economy, enterprise.*

Ключевые слова: *промышленность, регион, экономика, предприятие.*

Вступление России в ВТО ставит перед промышленными предприятиями новую задачу по формированию конкурентных преимуществ в условиях открытых рынков. В связи с этим Правительству Российской Федерации и региональным властям необходимо сформировать дополнительные условия, стимулирующие внедрение новых технологий и техническое перевооружения предприятий промышленности, а также защиту национального рынка от недобросовестной конкуренции методами, которые не противоречат требованиям ВТО [1].

В условиях вступления России в ВТО, по мнению советника Президента С. Глазьева, «...нам нужно искать возможности поддержки конкурентоспособности нашей экономики больше за пределами ВТО, в тех сферах регулирования, на которые ВТО не распространяется. Это, прежде всего, более широкая работа через банки развития, это денежно-кредитная политика, и особенно политика рефинансирования и процентных ставок, это обменный курс, финансирование НИОКРов, техническое регулирование и так далее. Весь мир сегодня перешел на активнейшее использование этих инструментов».

По мнению В. Гутенева, меры государственной поддержки отраслей промышленности на современном этапе заключены в следующем.

Во-первых, это Государственные программы и федеральные целевые программы (ФЦП), реализация которых предполагает развитие высокотехнологичных отраслей отечественного машиностроительного комплекса.

В настоящее время в сфере высокотехнологичного машиностроения приняты и действуют 10 комплексных Государственных программ, в том числе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на 2012–2020 гг.».

В частности, общее финансирование государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на 2012–2020 гг.» должно составить более 3,5 трлн руб. Из них средства федерального бюджета составляет 234,6 млрд руб., средства государственных внебюджетных фондов – 207,5 млрд руб., а средства юридических лиц составят 3 трлн 078 млрд руб.

В 2014 г. была принята Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328., где предусмотрено значительное увеличение общего объема финансирования промышленности за счет федерального бюджета до 1 060,2 млрд руб., или в 4,5 раза [2].

Второй важный блок мер государственной поддержки – это система субсидий процентных ставок по банковским кредитам и взносов в уставные капиталы, направленная на сохранение и развитие промышленного капитала.

В-третьих, финансирование НИОКР вне рамок ФЦП, в т.ч. выполнение НИОКР по государственным контрактам и научное сопровождение инновационных проектов государственного значения.

В-четвертых, набор нормативно-правовых и фискальных инструментов, обеспечивающих устойчивое функционирование отраслей промышленности, их инновационное развитие и модернизацию, а также выравнивание условий входа на зарубежные рынки.

В-пятых, создание эффективной системы технического регулирования, совершенствование национальной системы стандартизации и обеспечения единства измерений.

В-шестых, защита внутреннего рынка от давления импорта.

Особенно важна государственная поддержка отраслей промышленности в период экономического кризиса.

С вступлением России в ВТО государственная поддержка промышленности стала крайне затруднительна: прямые субсидии запрещены, иные формы, такие как таможенные регулирование, весьма ограничены.

Литература

1. Влияние процесса вступления в ВТО на российские промышленные предприятия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://studproject.com/ruseconomics/wto/> (дата обращения: 24.12.2014 г.).
 2. Вступление России в ВТО не оправдало ожиданий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/06/21/vto-site.html> (дата обращения: 25.12.2014 г.).
-

Public service reform as a mechanism for improving governance

Nosenkova M.¹, Dzabarova A.²

Реформа государственной службы как механизм совершенствования системы управления

Носенкова М.Ю.¹, Джабарова А.Р.²

¹Носенкова Марина Юрьевна / Nosenkova Marina Yurievna – студент;

²Джабарова Аделя Ринатовна / Dzabarova Adelya Rinatovna – студент,

факультет государственного и муниципального управления,

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

Abstract: *this article analyzes the civil service reform. Also, the authors studied the problem in the area of improving the mechanism of government.*

Аннотация: *статья посвящена анализу реформы государственной службы. Также авторами изучены проблемы в области совершенствования механизма государственного управления.*

Keywords: *civil service reform, public administration.*

Ключевые слова: *реформа государственной службы, государственное управление.*

Государственная служба всегда играет значимую роль в истории России. Поиск оптимальной системы государственного управления начался в России с 1992 г., вызванный демократическими процессами модернизации государства и общества, которые связаны с преобразованием политических институтов, включая и институт государственной службы. Нельзя недооценивать важность государственной службы в укреплении и развитии государственного устройства.

Необходимо сформировать такую систему государственной службы, которая, с одной стороны, соответствовала бы требованиям демократического, правового федерального, социального и светского государства с республиканской формой правления, а с другой – условиям и факторам свободного гражданского общества с рыночной экономикой, разнообразием социальных слоев и групп, плюралистической духовностью, надежной защищенностью прав и свобод человека.

Для решения имеющихся проблем в системе государственной службы была реализована программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)». На первом этапе планировалось усовершенствовать федеральное законодательство в сфере государственной службы, в частности разработать и внедрить механизмы противодействия коррупции, завершить разработку современных кадровых, образовательных, информационных и управленческих технологий и механизмов, обеспечивающих результативность профессиональной служебной деятельности

государственных служащих. На втором этапе должны были осуществить мониторинг общественного мнения об эффективности государственной службы и результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих.

Однако, анализируя результаты данной программы, можно выделить пункты, которые в полной мере не были реализованы, а именно: обеспечение взаимосвязи между видами государственной службы, а также государственной и муниципальной службой; незавершен процесс создания системы мониторинга общественного мнения об эффективности государственной службы; остаются достаточно разрозненными элементы системы контроля за деятельностью государственных служащих со стороны институтов гражданского общества.

По-прежнему существуют актуальные проблемы создания открытой и прозрачной государственной службы. Решением данной проблемы служит издание административных регламентов, государственных стандартов, детальная регламентация административных процедур. К числу важных можно отнести проблему формирования системы оплаты труда государственных служащих, и роста бюрократического аппарата.

Реформа нацелена на повышение уровня профессиональной подготовки государственных и муниципальных служащих, расширяя объем необходимых знаний, умений и навыков представителей административного аппарата управления. В сфере приоритетных по-прежнему лидируют юридические, экономические, управленческие знания, умения и навыки. Особое значение играет информационная и компьютерная грамотность и компетентность, выступающая залогом успеха реализации всей административной реформы.

Правовой основой реформирования системы государственной службы служат нормативно-правовые акты, которые направлены на совершенствование деятельности государственных служащих.

На фоне активной интеграции Российской Федерации в глобальную экономику и наличия у нее смежных интересов в решении проблем, касающихся государственного управления, с некоторыми иностранными государствами, перед ней встает объективная необходимость в разработке специальных механизмов сотрудничества, которые с одной стороны обладали бы достаточной прочностью для формирования общих ценностей, а с другой имели бы достаточную гибкость для реализации населением утвержденных ценностей, в связи с тем, что применение этих ценностей на практике зависит от конкретных обстоятельств [1].

Реформы, осуществляемые в России, нацелены на создание реального фундамента для перехода к формированию единой и эффективной системы власти, которая сможет оперативно и своевременно принимать решения высокого качества, то есть адекватные требованиям времени, которые согласованные по целям и непротиворечивые по содержанию, и добиваться их обязательного исполнения.

Литература

1. *Бутова Т.В., Дунаева А.И., Удачин Н.О.* Зарубежный опыт реформирования государственной гражданской службы//Современный взгляд на будущее науки: сборник статей Международной научно-практической конференции 10 апреля 2014 года в 3 частях ч. 3/ ответственный редактор А.А. Сукиасян – Уфа, Аэтерна, 2014. – 228 с.
2. Указ Президента РФ от 10.03.2009 №261 (ред. от 10.08.2012) «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации» (2009-2013 годы).

Is the label «Psychopath» more a moral denunciation than a clinical diagnosis?

Koshkina E.

Является ли ярлык «психопат» более морально осуждающим, чем клинический диагноз?

Кошкина Е. Н.

Кошкина Екатерина Николаевна / Koshkina Ekaterina Nikolaevna – MSc (Master of Science) in Criminology and Criminal Psychology (University of Portsmouth, United Kingdom), г. Москва

Abstract: *this article analyses diagnostic, subtyping and researches issues that lead to misunderstanding of what psychopathy is and who may be considered a psychopath. As well as why psychopathy has become a well-known label with the extremely negative meaning and widely usage by almost everyone.*

Аннотация: *статья анализирует проблемы диагностики, типирования и исследований, которые приводят к неправильному пониманию того, что такое психопатия и кто может считаться психопатом. Равно как и то, почему психопатия стала хорошо известным и широко используемым ярлыком с крайне негативным значением.*

Keywords: *psychopathy, ASPD, sociopathy, diagnostic issues.*

Ключевые слова: *психопатия, антисоциальное расстройство личности, социопатия, проблемы диагностики.*

Psychopathy “was the first personality disorder to be recognized in psychiatry” [22, p. 28] and, in some ways, may be called one of the most famous psychological disorders together with schizophrenia and bipolar affective disorder. However, if people know of the existence of psychopaths, it does not mean that they understand the nature of this personality disorder very well. All the more so currently there is no such an official diagnosis as psychopathy or psychopathic personality, or psychopathic personality disorder, and even the defined difference between psychopathy and antisocial personality disorder (ASPD) is often blurred. Besides, “psychopathy and ASPD often treated as, but in fact, are not, equivalent diagnoses” [12, p. 22], which means that many persons, especially with history of violence, who are not actually psychopaths, are labelled as psychopaths due to their behaviour fitting in with the basic symptoms of ASPD that are listed in DSM-V. Furthermore, there still is a significant question of clear subtyping psychopathic personalities because not only plenty of individuals with psychopathic traits and behaviours exist, but also “groups of such persons may have little in common with each other” [30, p. 155]. Plus, “if subtypes are found, will all of them be ‘psychopaths?’” [25, p.186]. On condition that some of them, who may be labelled as ‘sociopaths’, are able to adopt social norms and be law-abiding citizens? In

addition to not being an easy-diagnosing disorder, psychopathy generally cannot be treated effectively by therapy or somehow else, which makes it kind of a psychiatric nightmare.

So, what is psychopathy? Pinel [24] in some of his work described it as ‘mania without delirium with no cognitive dysfunction’; Henry Maudsley [20] classed it as ‘moral imbecility’ or ‘moral insanity’. According to Hart and Hare [12], it is “a form of chronic mental disorder associated with a specific set of symptoms” as “sense of entitlement, unremorseful, irresponsible, unconscionable, apathetic to others, affectively cold, blameful to others, manipulative, conning, disparate understanding of socially acceptable behaviour, disregardful of social obligations, and nonconforming to social norms” [8, p. 1]. McCord and McCord [21] supposed that the most noticeable trait of psychopathy is “diffusely unpatterned impulsive behaviour”. Hart and Hare [22] later specified that this is “persistent, frequent, and varied asocial and antisocial behaviour, starting at an early age”, and McCord and McCord [21] confirmed it by its own researching that so long as psychopaths are unsocial, their conduct “often brings them into conflict with society”. Maslow [19] wrote that psychopaths “have no love identifications with other human beings and can, therefore, hurt them or even kill them casually, without hate, and without pleasure, precisely as they kill animals who have come to be pets.” Hare [8] described psychopaths as “remorseless predators who use charm, intimidation and, if necessary, highly impulsive and cold-blooded violence to attain their ends”. Thereby, it may be said that psychopaths are mentally ill due to their incapability to feel emotions or control their impulses, but at the same time, they cannot be considered insane due to there is no evidence proving that they cannot be rational and thoughtful, cannot reason, learn and manipulate on purpose.

However, any individual, which shows such symptoms, may be diagnosed with antisocial personality disorder (ASPD), according to DSM-V, or with dissocial personality disorder (DSPD), according to Chapter V of ICD-10, although the researches displayed that “most psychopaths meet the criteria for ASPD, but most individuals with ASPD are not psychopaths” [8, p. 2]. For example, Hare [8] writes that if assessing psychopathy in criminal population with the use of the Hare Psychopathy Checklist: Revised (PCL-R), then “between 15% and 20% of offenders receiving a score of at least 30, the cut-off for a diagnosis of psychopathy,” whereas “the mean scores for offenders in general and for non-criminals are around 22 and 5, respectively”. Blair [1] supposes that psychopathy and ASPD should be separated altogether due to the main problem with ASPD is “that allowed antisocial individuals with completely different personalities, attitudes and motivations to share the same diagnosis” [8, p. 2]. Besides, ASPD is the most common personality disorder among the criminals, and “almost any offender in a correctional setting is hypothetically entitled to a diagnosis of ASPD” [30, p.149], but there are also many psychopaths in non-criminal populations. For example, Cleckley [2] believed that “psychopaths could be found in society’s most respected positions: as doctors, lawyers, politicians, and even as psychiatrists.”

Lykken ([17] assured that psychopathy is one of two different subtypes of ASPD, and the second is sociopathy because psychopaths are impulsive, inclined to risk-seeking behaviour and incapable to adopt social norms whereas the sociopaths in general are temperamentally stable and much more affected by negative social factors like poverty and problems within their families. It is partly true so long as there are two key conceptions of psychopathy subtypes, and the first one is focused on “how the individuals with phenotypically similar symptoms differ etiologically” [25, p. 177]. According to Karpman [14], people with psychopathic personalities may be divided into two groups – ‘primary (impulsive or antisocial) psychopaths’, who are pure psychopaths, and ‘secondary (symptomatic or narcissistic) psychopaths’, who are sociopaths. Cleckley [2] remarked that “the true difference between them and those who continually go to jail or to psychiatric hospital is that they keep up a far better and more consistent outward appearance of being normal”. Nevertheless, Hare [10] thinks that sociologists may prefer the term ‘sociopathy’ as well as psychologists the term ‘psychopathy’ since the difference between them both “reflect the user’s views on the origins and determinates of the disorder”. The second conception is focused on “describing phenotypical differences among individuals with psychopathic traits by referencing comorbid traits of other personality disorder” [25, p. 177] and includes two major theories. The first theory is focused on “recurring patterns of overlap between psychopathic and other traits” [25, p. 177]. It is represented by Murphy and Vess’s four subtypes of psychopathy based on DSM-V’s Cluster B personality disorders – sadistic, narcissistic, antisocial and borderline. The second one is all about “psychodynamic personality organization” [25, p. 177], and represented by Millon and Davis’s ten subtypes of psychopathy, which are similar to Murphy and Vess’s four subtypes, but much more detailed and specific.

It was found by Herve and Hare [13] in the course of their joint research that “a very low base rate of manipulative psychopaths is in a recent sample of offenders”, but many primarily psychopaths “may be abundant in psychiatric samples”. So, the central question for subtyping researches is how to “identify ‘subclinical’ and ‘successful’ psychopaths in community and non-correctional samples”, not “finding psychopaths under every stone” [25, p. 187], if, as a rule, psychopaths do not seek for help. Firstly, “people with personality disorder do not believe that they have a problem, it is the rest of world that has it all wrong” [15, p. 96], and secondly, “any control, however mild, irritates the psychopath, and he reject it” [21, p. 12]. What is more, psychopathy is generally untreatable because “there is nothing ‘wrong’ with psychopaths in manner of a deficit or impairment that therapy can ‘fix’” [11, p.568]. Also, it still remains unknown what exactly provokes the development of psychopathic traits, which biological, sociological, psychological or neurological causes, although “the studies repeatedly indicate that painful treatment results in what has been called ‘aggressive action’” and many aggressive psychopaths were “severely rejected, physically beaten, and emotionally deprived by parents” in childhood [21, p. 11].

However, childhood abuse is not a privilege of psychopathic children only, so “deviant behaviour, then, is inadequate criterion of psychopathy” [21, p. 8], and it is not reasonably at all to label anyone as psychopath on the ground of his antisocial behaviour. Unfortunately, in the twentieth century “psychiatric diagnosis was an impressionistic art form and even experienced practitioners often could not agree in classifying the same patients except in a very general way”, and many “dangerous or persistent lawbreakers were labelled variously as psychopaths or sociopaths with negligible diagnostic consistency or clarity” [18, p. 3]. Moreover, Lewis [16] pointed that “the diagnostic concept at first called ‘moral insanity’ has been troubling” the psychiatrists due to “its outline will not be firm until much more is known about its genetic, psychopathology, and neuropathology”, and, undoubtedly, it gives a lot of scope for flight of fantasy. So, to be diagnosed with ASPD, for example, since there is no such an official clinical diagnosis as ‘psychopathic personality disorder’ and psychopathy is a subtype of ASPD, an individual must meet the requirements for this personality disorder which are listed as diagnostic criteria in DSM-V. Lykken [18] noted that “no special psychiatric knowledge or insight is required to make a diagnosis on the basis of these guidelines” because they focus on “disregard for the law, aggressive behaviours, and violation of social norms”, not on “the lack of empathy and the glibness associated with the most concepts of psychopathy” [27, p.231]. Therefore, any person, if his behaviour does fit in with obvious symptoms of ASPD, may be theoretically labelled as a ‘psychopath’, not being psychopath in point of fact. Hare [9] and his colleagues “have taken great pains to differentiate between psychopathy and ASPD when clinicians use the labels as if the constructs they measure were interchangeable”.

Gunn [3] wrote that “in such cases we are sometimes told that the patients have a ‘dual diagnosis’” and, apparently, “the label ‘psychopathic’ is not being applied to assist with the understanding of the patient’s psychopathology, it is simply used as a mechanism to reject these patients”. In other words, this label implies in some ways that this patient is ‘untreatable’. It leads to “a stereotyped approach to treatment that ignores or misses the important variations among patients” [3, p. 33] despite the fact which says that if “some treatments that are effective for other offenders are actually harmful for psychopaths, it does not mean nothing can help” [11, p. 568]. Harris and Rice [11] supposed that “tightly controlled behavioural programs with contingences remain in effect both inside and outside institution” for antisocial and aggressive psychopaths who cannot control their impulses dangerous for the society in whole or small local communities. What is more interesting, most researches and mental health professionals are all reluctant to discuss psychopathic children although the specific personality traits “begin to manifest themselves in childhood” [9, p.194]. So, if there is a chance to influence the development of psychopathy, it might be, probably, done at an early age even if the problem is complicated by “a general failure to differentiate the budding psychopath from other children who exhibit

serious emotional and behavioural problems”[9, p.194]. From this perspective, the term ‘psychopath’ seems to be “a trigger for rejection” [3, p. 95], although mental hospitals are supposed to be “staffed by experts in curing diseases” [30, p. 154] who are meant to help individuals suffering from psychological problems. Or it is “a largely moral term” [3, p. 95], which symbolises helplessness what psychiatrists might feel facing the compound cases than a clinical diagnosis itself.

That is why Gunn [3] guessed that ‘psychopath’ has become almost synonymous with ‘badness’ – “a powerful concept that is unhelpful in medical science” where “the morality of patient’s symptoms or behaviour ought to be irrelevant”. Toch [30] wrote that he recalled “not a single instance in which my understanding of an offender would have benefited from adjudging the person a psychopath”. Nevertheless, it is very interesting that when a psychiatrist called a patient, who has been rated by PLC-R high enough to reach a conditional psychopathy cut-off, a psychopath, “other people would call this patient a ‘really bad person’” [3, p.36]. Besides, the psychopathy literature tended to “stigmatize almost any offender about whom there was concern or trepidation” [30, p.155]. There were “sexual psychopaths” who are now “sexually violent predators”, there were drug abuse offenders who have been described as “overwhelmingly psychopathic”, and, of course, there always were serial killers who “have been perennial candidates for ‘psychopath of the year’” [30, p.155]. Historically, the term ‘psychopathic’ “was introduced to fully cover all forms of psychopathology” [3, p. 34]. However, nowadays, according to Smith [28], this term means “one whose persistently antisocial and asocial behaviour cannot be primarily attributed to mental subnormality or psychosis, and stimulates society to treat him” as a really bad person who may not be a psychopath at all. Even if this individual was diagnosed with ASPD due to “diagnoses, like all human judgements, can be mistaken” [21, p. 188]. The Stevens study [29] has shown that “the clinicians used the diagnosis of ASPD in more than half of their diagnosable cases, and opined that the diagnosis could be used in these percentages with the entire inmate population”. Thereby, for them, it is just a label.

Summing up, it should be said that psychopathy is “a form of personality disorder with a distinctive pattern of interpersonal, affective, and behavioural symptoms” [12, p. 22], which may be identified with Robert Hare’s PLC-R. The DSM-IV’s and ICD-10’s guidelines as before do not make any distinctions between antisocial personality disorder, or dissocial personality disorder although there are a solid theoretical base and some approximate typologies of psychopathic individuals. Furthermore, antisocial, asocial, impulsive and aggressive behaviour together with lack of remorse, irritability and irresponsibility are considered good reasons to officially diagnose with ASPD any person who acts this way regardless of “many other deviants exhibit dangerous behaviour, but they do not share the character structure of the true psychopathic personality” [21, p. 8]. Besides, many psychopaths may be found in any non-criminal populations, for example, so called ‘corporate psychopaths’, who are capable to live in society

conforming to its regulations, and not to be diagnosed with any personality disorders or something like this. The existence of the groups of individuals with psychopathic traits and behaviours, which have little in common with each other leads to the misunderstanding of the nature of psychopathy.

Since psychopathy is untreatable in general, the term 'psychopath' seems to be more "a trigger for rejection" [3, p. 95] than a clinical diagnosis, or else "a largely moral term" [3, p. 95] that is a stereotyped and wrongful reflection of the meaning of such words as 'badness', 'incurability' and 'monstrous'. Shortly, for the public and some clinicians being 'psychopath' implies to be incredibly bad, to be something what cannot be 'fixed' and, thereby, strongly needs to be isolated from the others by incarcerating in high security mental hospital or prisons for life. Nevertheless, the ways to help them controlling their impulses have been already found and tested, and in the nearest future, through developing knowledge of psychopathy may be found the effective ways to reduce its displays. Then, probably, the term 'psychopathic' of itself as well as associated with it the terms 'psychopath', 'psychopathic disorder' and 'psychopathic personality' stops being a convenient label for a moral denunciation.

Literature

1. Blair J., Mitchel D., & Blair K. (2005). Psychopathy: Emotion and the Brain. Carlton, Australia: Blackwell Publishing.
2. Cleckley H.M. (1941, 1976). The Mask of Sanity (5th ed.). St. Louis: Mosby.
3. Gunn J. (1998). Psychopathy: An Elusive Concept with Moral Overtones. In T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith, & R.D. Davis, (Eds.). Psychopathy: antisocial, criminal, and violent behaviour. New York, London: The Guildford Press, p.32 - 39.
4. Hare R.D., & Hart S.D., (1995). A commentary on the Antisocial Personality Disorder Field Trial. In W.J. Livesley (Ed.), The DSM-IV Personality Disorders. New York: Guilford.
5. Hare R.D., & Hart S.D., (1995). Psychopathy: Assessment and criminal conduct. In D. Stoff, J. Maser, J. Breiling. (Eds.), Handbook of Antisocial Behaviour. New York: John Wiley & Sons.
6. Hare R.D., (1980). A research scale for the assessment of psychopathy in criminal populations. *Journal of Personality and Individual Differences*, vol. 1, p.111-119.
7. Hare R.D., (1991). The Hare Psychopathy Checklist-Revised. Toronto: Multi-Health Systems.
8. Hare R.D., (1996). Psychopathy and Antisocial Personality Disorder: a case of diagnostic confusions. *The Psychiatric Times*, vol. 13 (2), p. 1-6.
9. Hare R.D., (1998). Psychopaths and Their Nature: Implications for the Menatl health and Criminal Justice Systems. In T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-

- Smith, & R.D. Davis, (Eds.). *Psychopathy: antisocial, criminal, and violent behaviour*. New York, London: The Guildford Press, p.188 - 214.
10. *Hare R.D.*, (1999). *Without Conscience: The Disturbing World of the Psychopaths Among Us*. New York: Pocket Books.
 11. *Harris, G.T., & Rice, M.E.*, (2007). Treatment for Psychopathy: A Review for Empirical Findings. In C.J. Patrick, (Ed.). *Handbook of psychopathy*. New York, London: Guildford Press, p. 555 – 572.
 12. *Hart S.D., & Hare R.D.*, (1997). Psychopathy: Assessment and Association with Criminal Conduct. In D.M. Stoff, J. Breiling, & J.D. Maser, (Eds.). *Handbook of Antisocial Behaviour*. New York, Chichester, Weinheim, Brisbane, Singapore, Toronto: John Wiley & Sons, Inc., p. 22-35.
 13. *Herve H.F., & Hare R.D.*, (2004). Psychopathic subtypes and their crimes: A validation study. Paper presented at the annual conference of the American psychology. Scottsdale, AZ: Law Society.
 14. *Karpman B.*, (1941). On the need for separating psychopathy into two distinct clinical types: Symptomatic and idiopathic. *Journal of Clinical Psychopathology*, vol. 3, p. 112-137.
 15. *Lanceley F.J.*, (1999). *On-scene guide for crisis negotiators*. Boca Raton, London, New York, Washington, D.C.: CRC Press.
 16. *Lewis A.* (1974). Psychopathic Personality: A most elusive category. *Psychological Medicine*, vol. 4, p. 133 – 140.
 17. *Lykken D.T.*, (1995). *The Antisocial Personalities*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers.
 18. *Lykken D.T.*, (2007). Psychopathic Personality: The Scope of the Problem. In C.J. Patrick, (Ed.). *Handbook of psychopathy*. New York, London: Guildford Press, p. 3 – 13.
 19. *Maslow A.H.*, (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper.
 20. *Maudsley H.*, (1897, 2006). *The pathology of mind*. United States: Kessinger Publishing Co.
 21. *McCord W. & McCord J.*, (1964). *The Psychopath. An essay on the Criminal Mind*. Princeton, New Jersey, Toronto, New York, London: An Insight Book, D. vab Nostrand Company, Inc.
 22. *Millon T., & Davis R.D.*, (1998) Ten subtypes of psychopathy. In T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith, & R.D. Davis, (Eds.). *Psychopathy: antisocial, criminal, and violent behaviour*. New York, London: The Guildford Press, p.161- 170.
 23. *Patrick C.J.*, (2007) (Ed.). *Handbook of psychopathy*. New York, London: Guildford Press.
 24. *Pinel P.* (1801, 1962). *A treatise on insanity*. New York: Hafner.
 25. *Poythress N.G., & Skeem J.L.*, (2007). Disaggregating Psychopathy: Where and How to Look for Subtypes. In C.J. Patrick, (Ed.). *Handbook of psychopathy*. New York, London: Guildford Press, p. 172 – 192.

26. *Sadock B.J. & Sadock V.A.*, (2010) Kaplan and Sadock's Pocket Handbook of clinical psychiatry (5th ed.). Philadelphia, Baltimore, New York, London, Buenos Aires, Hong Kong, Sydney, Tokyo: Wolters Kluwe, Lippincott Williams & Wilkins.
 27. *Siever L.J.*, (1998). Neurobiology in Psychopathy. In T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith, & R.D. Davis, (Eds.). Psychopathy: antisocial, criminal, and violent behaviour. New York, London: The Guildford Press, p.231 – 246.
 28. *Smith R.J.*, (1978). The psychopath in society. New York, San Francisco, London: Academic Press.
 29. *Stevens G.F.*, (1994). Prison clinicians' perceptions of antisocial personality disorder as a formal diagnosis. Journal of Offender Rehabilitation, vol. 20, p. 159 – 185.
 30. *Toch H.*, (1998). Psychopathy or Anrisocial Personality in Forensic Settings. In T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith, & R.D. Davis, (Eds.). Psychopathy: antisocial, criminal, and violent behaviour. New York, London: The Guildford Press, p. 144 – 160.
 31. *Widiger T.A., Corbitt E.*, (1995). The DSM-IV Antisocial Personality Disorder. In W.J. Livesley (Ed.). The DSM-IV Personality Disorders. New York: Guilford.
-

A stereotyped as an important factor in the perception and cognition of people to each other

И'jushkin V.

Стереотипизация как важный фактор в восприятии и познании людьми друга друга

Ильюшкин В. В.

Ильюшкин Виталий Владимирович / И'jushkin Vitalij – кандидат психологический наук, доцент,

кафедра философии и социально-гуманитарных наук,

ФГБОУ ВПО Ивановский государственный политехнический университет, г. Иваново

Abstract: *this article discusses the mechanism of uptake of stereotypes, their role in the cult-re of any society. The question of the implementation of stereotypes in the process of stereotyping - the perception and classification of social phenomena based on you-worked stereotypes. We believe that the value of stereotyping in the perception and knowledge of other people is very significant, and the stereotype should not be regarded solely as a barrier to communication.*

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы механизма усвоения стереотипов, их роль в культуре любого общества. Рассматривается вопрос реализации стереотипов в процессе стереотипизации – восприятии и классификации социальных явлений на основе выработанных стереотипов. Мы считаем, что значение стереотипизации в восприятии и познании людьми друга друга крайне значимо, а стереотип не стоит рассматривать исключительно как барьер в общении.*

Keywords: *stereotype, consciousness, epistemological dimension, cognition, stereotyping*

Ключевые слова: *стереотип, сознание, гносеологический аспект, познание, стереотипизация.*

Исторически стереотип формируется как результат существования и проявления традиций человеческих групп (наций, классов, профессиональных групп). Стереотипы в названном измерении формируются иногда в течение столетий и становятся основанием традиции, не поддающейся эмпирической и рациональной верификации.

Кроме того, в процессе межличностного взаимодействия стереотипы выполняют следующие функции:

- объяснения и оправдания существующих социальных отношений;
- защиты групповых ценностей;
- когнитивной межгрупповой дифференциации;
- трансляции культурно-исторического опыта;
- сохранения и передачи культурно-исторического опыта;
- экономии мышления.

Механизм усвоения стереотипов является составной частью процесса социализации. Стереотипы усваиваются как навыки, нормы или ценности, а в указанном процессе особое значение имеет социальная роль, которую исполняет индивид. Стереотипы усваиваются субъектом и «приписываются» им к роли. Это становится понятным, если учесть, что здесь имеет место обратная связь: посредством усвоения стереотипов, присущих данной группе, индивид полнее участвует в данной группе, а с другой стороны, будучи членом данного общества, усваивает свойственные ему стереотипы. Индивид не изучает стереотипы в контексте рефлексивного мышления, а просто их усваивает и одобряет.

С учетом безрефлексивности, отсутствия дистанции и недостатка опыта наиболее подходящим периодом для интериоризации стереотипов является детство. Пониженная «рациональность», «эмоциональность», «инстинктивность», «безрефлексивность», – все эти свойства сознания и, более широко, человеческого поведения увеличивают податливость к усвоению стереотипов и уменьшают шансы дестереотипизации [5].

Любой стереотип по своей природе объединяет похожие явления на основе упрощения и усреднения характеристик каждого из них. При этом утрачивается специфика каждого отдельного явления, и оно само рассматривается таким образом, чтобы соответствовать настроениям и системе ценностей определенной группы. Следовательно, стереотип – упрощенное представление о каком-либо социальном объекте, связанное с обобщением и обладающее повышенной устойчивостью. Он содержит в себе искажение действительного явления, проявляющееся в предвзятости, преувеличении второстепенных деталей, игнорировании наиболее существенных свойств [2, 42].

Стереотипы играют важную роль в культуре любого общества. Как укоренившаяся схема восприятия общественных явлений, включающая скрытые и явные признаки этих явлений, они не тождественны искаженному и ложному образу общественных явлений. В них можно выделить пространство адекватности, пространство упрощений и пространство деформаций. Иначе говоря, стереотипы не только деформируют образ общественных явлений, но и суммируют мнение, а в конечном итоге, являются как бы выражением инстинкта самосохранения данной группы.

Стереотип возникает в сознании члена данной социальной группы как результат многократно повторяемой связи определенных символов с определенной категорией явлений. Стереотип по самой своей природе не может отвечать требованиям, предъявляемым истине – он обобщает однородные явления на основе упрощения и «усреднения» характеристик каждого из них. При этом утрачивается конкретный исторический смысл и специфика каждого отдельного явления.

Многие исследователи связывает стереотипы с обобщением явлений, которые реально существуют, хотя, возможно, и не в такой форме, в какой они отражены в стереотипах. В. Вайнеки утверждает, что «частично неверные, поверхностные, ограниченные стереотипы, тем не менее, обобщают некоторые реальные черты культуры» [9, 116]. Д. Кемпбелл считает, что «стереотипы могут быть адекватны в случае совпадения автостереотипов и гетеростереотипов» [10, 817-829]. Х. Триандис и В. Василиу рассматривают в качестве условия адекватности стереотипов непосредственный контакт со стереотипизируемой группой. Х. Дейкер, Н. Фрейда пытаются найти истинность стереотипов в том, что они, по крайней мере, отражают психические особенности той группы, в которой распространены, то есть если не стереотипизируемой, то стереотипизирующей группы. У. Кэллан считает стереотипы истинными тогда, когда существует единодушное мнение двух групп относительно характерных черт третьего [8].

Стереотип схватывает определенное явление в целом, сразу, без частных и деталей. Каждый человек видит и чувствует индивидуально, в зависимости от жизненного опыта, от формы его взаимодействия с данным явлением. Для людей, принадлежащих к другим социальным группам, каждое явление представляется также по-разному, но по общей «стереотипной» схеме, в общих, сходных или совпадающих чертах.

Личный опыт неизбежно дополняется понятиями, представлениями, оценками, взглядами, мнениями, сложившимися помимо данного индивида. Чтобы мощь события была одинаково понятной и ясной для всех, необходимо, во-первых, найти образы, которые схватили бы его целиком, сразу; во-вторых, нужно найти для него такую форму выражения, которая была одинаково понятной и приемлемой для широких масс. При известной частоте повторений образ станет стереотипным представлением [6].

В стереотипе на первом месте стоит не гносеологический аспект, и познание – не его главная функция. В нем важен, прежде всего, социально-функциональный аспект, его оценочный элемент. Он связан с установкой, ценностями, но не с истиной. Чаще всего понятию «стереотип» придается негативный оттенок, связанный с ложностью и неточностью представлений, которыми оперирует группа. Как правило, стереотип появляется на основе достаточно ограниченного прошлого опыта, в результате стремления строить выводы на базе ограниченной информации. Здесь проявляется тенденция «извлекать смысл» из предшествующего опыта, строить заключения по сходству с этим опытом, не смущаясь ограниченностью [1, 177-188].

Д. Катц и К. Брейли в тридцатые годы предложили точку зрения, которая достаточно актуальна и в настоящее время. Они утверждают, что стереотип – это устойчивое впечатление, которое лишь в малой степени соответствует фактам, которое оно пытается представлять [11]. По мнению

Н.А. Рождественской, «сумма истинных знаний в стереотипе всегда больше суммы ложных знаний, однако в силу своей большей обобщенности, значительной информации они не содержат» [7, 69-76]. О. Клайберг писал, что стереотипы могут иногда содержать элементы истины, но это происходит чаще всего случайно. С. Хайкава называет стереотипы «широко текущим потоком дезинформации». Сторонники этой точки зрения относятся к стереотипам как к негативной неизбежности, искажающей черты реальности в головах людей [8].

Реализация стереотипов происходит в процессе стереотипизации – восприятия и классификации социальных явлений на основе выработанных стереотипов. Процесс порождения стереотипов является частным случаем процесса категоризации. Таким образом, стереотипизация – одна из форм подведения явлений под категории. Но при этом она отличается от других форм: при стереотипизации негативные или позитивные характеристики явлений подчеркиваются, предвзятые представления эмоционально окрашиваются. Это и классификация форм поведения и интерпретация (иногда без каких-либо оснований) их причин путем отнесения к уже известным или кажущимся известными явления, то есть отвечающим социальным стереотипам [4]. Явление стереотипизации тесно связано со стремлением человека «рассортировать» полученную информацию, «разложить ее по полочкам» (В.Г. Крысько, Т.А. Бондаренко, Е.И. Башкирова, Т.Б. Рябова, Д.П. Пискарев).

Роберт О'Хара считал, что человек, привыкая к стереотипизированным реакциям, реагирует рефлекторно. Исходя из этого утверждения, он считает, что можно специально создавать стереотипы и манипулировать сознанием людей посредством их. Он отмечает: «Если что-то повторяется достаточно часто, оно приобретает силу правды в умах людей. Они настолько привыкают слышать это или видеть, что автоматически воспринимают информацию как истину» [12, 293].

Следует отметить, что стереотипизация несет в себе не только негативные явления. Она необходима любому субъекту, поскольку включает в себя известное упрощение образа в шаблонных социальных ситуациях. Стереотипы определяют привычки и, таким образом, входят в социальный контроль, предопределяя человека в ряде типичных ситуаций его поведение. Стереотипы помогают принимать решения в повторяющейся ситуации и сохраняют психическую энергию, сокращая время реагирования и ускоряя процесс познания. Но в то же время стереотипное поведение препятствует принятию новых решений. Умение преодолевать сложившиеся стереотипы является важным условием социальной адаптации [3].

Таким образом, стереотипизация в процессе познания людьми друг друга способна приводить к двум различным следствиям. С одной стороны, к определенному упрощению процесса познания другого человека, в этом случае стереотип не всегда несет в себе оценочную нагрузку: в восприятии

другого человека не происходит сдвига в сторону его эмоционального принятия или неприятия. Остается упрощенный подход, который не способствует точности формирования образа другого человека и заставляет заменить его неким клише, но, тем не менее, в каком-то смысле необходим, поскольку помогает сократить процесс познания. С другой стороны, стереотипизация приводит к возникновению предубеждения. Если суждение строится на основе прошлого ограниченного опыта, а опыт этот был негативным, всякое новое восприятие окрашивается неприязнью. Не следует давать стереотипу лишь негативную оценку. Мы считаем, что значение стереотипизации в восприятии и познании людьми друг друга крайне значимо, а стереотип не стоит рассматривать исключительно как барьер в общении.

Литература

1. Алиева Л.А. К проблеме психологического анализа национальных стереотипов // Этнопсихологические проблемы развития личности. - Баку, 1985. - 246 с.
2. Артановский С.Н. Проблемы этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. - М., 1979. -С.11-40.
3. Артановский С.Н. Этноцентризм и «возврат к этничности»: концепции и действительность // Этнографическое обозрение. 1992. -№3. -С. 17.
4. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. -М., 2002. -448 с.
5. Куницына В.Н. Социальные стереотипы - условие и продукт социализации. -Ученые записки ЛГУ, НИИКСИ. -Л., 1971, Вып.9. -С.184-193.
6. Левкович В.П., Панкова Н.Т. Социально-психологический подход к структуре этнического сознания // Психологический журнал. 1983. -Т.4, - № 4. -С.64-74.
7. Рождественская Н.А. Роль стереотипов в познании человека человеком // Вопросы психологии, 1986. - № 4. - С. 69 - 76.
8. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. -М., 2000, -С.116.
9. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. -М., 2000, -С.116.
10. Campbell D. T. Stereotypes and the perception of group differences.- Arner. PsychoL, 1967, V. 22, N 10, -P. 817-829.
11. Katz D., Braly K.W. Racial stereotypes of one hundred college students // J. of Abnormal and Social Psychology. -N.Y., 1933, № 28, -P. 280 - 290.
12. Nisbett R., Ross L. Human Inference: strategies and shortcomings of social Judgment. - N.Y.: Prentice-Hall, 1980. - 334 p.

13. *Болдин С.Ю.* Самоидентификация как опыт // Проблемы современной науки и образования. 2014. №23. С. 42-44.
14. *Мастикова Н. С.* Опыт сопоставления доминирующих рангов ценностей «свобода» и «равенство» россиян и народов западных стран. // Проблемы современной науки и образования. 2013. №17. С. 227-232.
-

Violation of educational positions mothers as a factor in the development of severe early childhood adaptation to the conditions of preschool educational institution

Motorina N.

Нарушение воспитательных позиций матерей, как фактор развития тяжелой степени адаптации детей раннего возраста к условиям дошкольной образовательной организации

Моторина Н. В.

*Моторина Надежда Владимировна / Motorina Nadezda Vladimirovna – аспирант,
кафедра психологии,*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования*

Ивановский государственный университет, Шуйский филиал, г. Иваново

Abstract: *article discusses the features of educators, parents position in relation to young children, characterized by severe adaptation conditions of preschool educational organizations. The author concludes that the distress of the adaptation period for violations of family relations.*

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности воспитательской позиции родителей по отношению к детям раннего возраста, характеризующихся тяжелой формой адаптации к условиям дошкольной образовательной организации. Автор делает вывод о зависимости неблагоприятия адаптационного периода от нарушений внутрисемейных отношений.*

Keywords: *early age, pre-school organization, adaptation, education, family relations.*

Ключевые слова: *ранний возраст, дошкольная образовательная организация, адаптация, воспитание, внутрисемейные отношения.*

Модернизация российского общества, системы социальных ориентиров и изменение положения женщин оказали влияние на отношение будущих матерей к семейной роли и материнству. В современных исследованиях отмечается смещение ценностных ориентаций девушек и молодых женщин к материальному благополучию и карьерному росту. Безусловно, это накладывает отпечаток на выполнение женщинами своих материнских функций. Большинство матерей стремятся как можно скорее после рождения ребенка выйти на работу. В связи с этим дети раннего возраста вынуждены посещать дошкольные образовательные организации (ДОО).

В настоящее время все большее внимание уделяется проблеме физического и психического здоровья детей, которые зависят не только от

индивидуальных особенностей ребенка, но и его способности адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Адаптивные возможности ребенка раннего возраста несовершенны, и поэтому резкий переход в новую социальную ситуацию может привести к эмоциональным нарушениям или замедлению психофизического развития. Следовательно, от того, насколько будет благоприятно течение адаптационного периода, зависит дальнейшее развитие ребенка.

Изменение социальной ситуации в связи с поступлением ребенка в детский сад сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, происходит отрыв от объекта привязанности. Привязанность к матери, формирующаяся на первом году жизни, играет ведущую роль в психическом и личностном развитии ребенка, и определяется не как стремление к удовольствию (например, пищевому), а как в первую очередь необходимостью в защите и безопасности. Во-вторых, детский сад представляет собой своего рода социальную систему, в которой ребенок усваивает требования и нормы общества, способы взаимодействия со сверстниками. Таким образом, в условиях дошкольной организации ребенок сталкивается с совершенно иной системой требований и правил поведения.

И, наконец, в-третьих, у ребенка начинает формироваться модель отношения не только со сверстниками, но и чужим незнакомым взрослым – воспитателем. Воспитатель играет ведущую роль в формировании у ребенка представлений о правилах и нормах поведения. И в зависимости от того, как ребенок относится к взрослому, он склонен выполнять или нарушать его требования. Успешность адаптации ребенка раннего возраста зависит не только от уровня подготовки и квалификации воспитателя, но и от специфики педагогического общения.

По степени тяжести традиционно выделяют три основные формы течения адаптационного периода: легкую, средней тяжести и тяжелую. При анализе степени тяжести адаптации фиксируется скорость нормализации поведенческих реакций, аппетита и сна, наличие отрицательных эмоций в общении с взрослыми и детьми, боязнь пространства, быстрота восстановления речевой активности, кратность и длительность заболеваний, масса тела, рост и нервно-психическое развитие.

При тяжелой форме адаптации нарушение сна и аппетита наблюдается более 60 дней. У ребенка отмечаются частые заболевания, нередко с осложнениями, замедление темпов роста, уменьшение массы тела. Преобладают астенические эмоции. В большинстве случаев наблюдается резкое замедление темпов психического развития на 1-2 эпикризных срока.

В результате комплексного анализа процесса адаптации у детей с тяжелой формой ее протекания нами был сделан вывод о зависимости благополучия адаптационного периода от уровня от особенностей

внутрисемейных отношений и воспитательских позиций семьи, где воспитывается ребенок.

В результате анализа внутрисемейных отношений с помощью методики АВС (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.) были выявлены нарушения в системе воспитательских позиций у исследуемых матерей. Так, у 67% матерей определилась тенденция к гиперпротекции. Это свидетельствует о том, что матери уделяют своему ребенку крайне много времени, сил и внимания, его воспитание становится центральным делом их жизни. У 65% матерей выявлена тенденция к потворствованию. Такие матери стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей своего ребенка.

Неотъемлемой частью в воспитательном процессе являются требования, предъявляемые ребенку в семье. Они выступают, во-первых, в виде обязанностей ребенка, то есть в тех заданиях, которые он выполняет (например, уход за собой, участие в организации быта, помощь другим членам семьи), во-вторых, это требования-запреты, устанавливающие, чего ребенок не должен делать. Невыполнение требований ребенком может повлечь применение санкций со стороны родителей – от мягкого осуждения до суровых наказаний. По результатам проведенного исследования 54% детей имеют минимальное количество обязанностей в семье, 40% детей воспитываются в условиях недостаточности запретов. 69% исследуемых матерей минимально используют санкции по отношению к поступкам своих детей, такие матери предпочитают обходиться либо вовсе без наказаний, либо применяют их крайне редко. Они чаще применяют поощрения, сомневаются в результативности любых наказаний. Обращает на себя внимание наличие относительно большого количества матерей, предпочитающих в своем ребенке проявление женских качеств (24%). У таких матерей отношение к ребенку обуславливается не действительными особенностями ребенка, а такими чертами, которые родитель приписывает его полу.

Таким образом, на развитие тяжелой формы адаптации к условиям ДОО оказывают влияние следующие особенности внутрисемейного воспитания детей раннего возраста: гиперпротекция, потворствование, недостаточность требований, запретов и санкций. Это вполне закономерно, если принять во внимание особенности пребывания ребенка в детском саду. В условиях дошкольной организации ребенок усваивает не только способы взаимодействия с взрослыми и сверстниками, но и четкую систему требований и правил поведения. Очевидно, что сотрудники детского сада не могут максимально и неукоснительно удовлетворять потребности ребенка. Наличие множества запретов и санкций, используемых в ДОО, провоцирует сильное эмоциональное напряжение и, как следствие, нарушение процесса адаптации.

Литература

1. *Баркан А.И.* Психология для родителей: ребенок до трех лет. М.: Пресс, 2000. 356 с.
 2. *Лисина М.И.* Общение, личность и психология ребенка / Под ред. Рузской А.Г. М.: Изд-во «Институт практической психологии». 1997. 384 с.
 3. *Макшанцева Л.В.* К проблеме адаптации трехлетних детей к ДОУ // «Вестник МГУ». 2003. № 1. С.60-67.
-

On the formation of relationships in a dyad «mother-child» in the first years after birth

Motorina N.

К вопросу о формировании взаимоотношений в диаде «мать-дитя» в первые годы после рождения ребенка

Моторина Н. В.

*Моторина Надежда Владимировна / Motorina Nadezda Vladimirovna – аспирант,
кафедра психологии,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
Ивановский государственный университет, Шуи́йский филиал, г. Иваново*

Abstract: *the relevance of the topic lies in the fact that the problem of adequate child-parent relationships arises from the very first days of a child's life and has important theoretical and practical significance. The mother's influence on health and psychological integrity of the child during infancy and early childhood forms the basic trust in the world that cannot be filled in later life.*

Аннотация: *актуальность темы заключается в том, что проблема формирования адекватных детско-родительских взаимоотношений встает с самых первых дней жизни ребенка и имеет важное теоретическое и практическое значение. Влияние матери на здоровье и психическую полноценность ребенка в период младенчества и раннего детства формирует базовое доверие к миру, что не может быть восполнено в последующей жизни.*

Keywords: *the first years of a child's life, education, family relations, child-parent interaction.*

Ключевые слова: *первые годы жизни ребенка, воспитание, внутрисемейные отношения, детско-материнское взаимодействие.*

Психологическая наука в последние годы значительной степени характеризуется обращением к наиболее ранним этапам развития человека. В настоящее время подчеркивается важность изучения развития ребенка в естественном окружении, прежде всего во взаимодействии с наиболее близким человеком – матерью. Актуальность темы заключается в том, что проблема формирования адекватных детско-родительских взаимоотношений встает с самых первых дней жизни ребенка и имеет важное теоретическое и практическое значение.

В современных исследованиях отмечается, что многие трудности в эмоциональной сфере, поведении и социальной адаптации, возникающие у более взрослых детей, зачастую связаны с нарушениями ранних отношений с матерью.

В настоящее время достаточно широко и полно описана структура родительского отношения, модели и типы материнского отношения, детерминанты родительского отношения, внутренние механизмы и условия развития детско-родительских отношений на этапе младенчества. Кроме того, в науке и практике идет активный поиск моделей психологического сопровождения женщины во время беременности и в течение первых лет жизни ребенка (Добряков И.В., Завьялова Ж.В., Коваленко Н.П., Ланцбург М.Е., Мухамедрахимов Р.Ж., Филиппова Г.Г. и другие).

Исследования последних лет показали, что отношения между матерью и ребенком в младенчестве и в раннем возрасте зависят от взаимодействия сложной многокомпонентной системы факторов, каждый из которых играет большую роль в реализации врожденных программ поведения ребенка.

Согласно теории Эльконина Д.Б., ведущим типом деятельности ребенка в младенческом возрасте является эмоционально непосредственное общение, предметом которого для ребенка является взрослый человек. Первая потребность, которая формируется у ребенка, – это потребность в другом человеке. Только развиваясь рядом с взрослым человеком, ребенок сам может стать человеком. «Первое, что мы должны воспитать у наших детей и что развивается на протяжении всего детства, – пишет Эльконин Д.Б., – это потребность детей в человеке, в другом человеке, сначала в матери, отце, затем в товарище, друге, наконец, в коллективе и наконец, в обществе». В этом смысле Лисина М.И. говорила об «упреждающем влиянии взрослого»: он обрушивает на ребенка огромный арсенал средств, которые лишь постепенно станут индивидуальными средствами его психической деятельности [5, с.12]. Несомненно, в большинстве случаев, значимым взрослым человеком для ребенка является мать, которая не только обеспечивает удовлетворение его биологических потребностей в тепле, пище, физической защите, а также создает условия для психологического комфорта, формирует у ребенка чувство защищенности и доверия к окружающему миру.

Лисина М.И. выделила четыре критерия, на основании которых можно утверждать, что у младенца сформировалось общение с матерью:

1. Взгляд в глаза, который появляется примерно в конце третьей недели жизни и характеризует интерес, настроенность на коммуникацию.
2. Ответная улыбка на воздействия матери. Она появляется в конце первого месяца жизни и выражает удовольствие ребенка от общения.
3. Инициативная улыбка и оживление которые младенец использует, чтобы привлечь внимание путем демонстрации своих умений и способностей.
4. Реакция на проявление внимания матери, проявляющаяся в стремлении ребенка удержать внимание и продлить эмоциональный контакт [3, с.23].

По мнению Лисиной, только присутствие всех четырех критериев свидетельствует о наличии общения. Проявление же отдельных признаков говорит о том, что общение еще только складывается.

Как осуществляется общение матери и ребенка?

Известный английский психолог Штерн Д., установил, что мать или близкий и ухаживающий за ребенком человек ведут себя с младенцем совершенно иначе, чем с взрослыми или детьми постарше. По сравнению с тем, как мать общается с другими людьми, ее поведение при взаимодействии с младенцем выглядит совершенно необычным.

Прежде всего, – это проявляется в особой детскости речи матери, обращенной к младенцу (беби ток). Исследование шести различных языков на шести континентах показало сходные черты материнской речи, которые выражались в том, что мать при общении с младенцем использует простые, короткие предложения, делает длинные паузы, включает в речь бессмысленные звуки и часто изменяет слова. Кроме того, повышается высота голоса, речь замедляется и преувеличивается, становится протяжной, изменяется ритм и ударение. Обращает внимание своеобразный вокальный диалог между матерью и младенцем. Он состоит в том, что мать, общаясь с ребенком задает вопрос и от имени ребенка сама на него отвечает, так, что это скорее монолог матери в форме воображаемого диалога. Такая экзотическая форма поведения матери имеет большой смысл для психического развития ребенка. Во время паузы между обращениями младенец, способный к подражанию, в какой-то момент ответит на инициативу матери вокальной имитацией или любым другим изменением поведения. Это, в свою очередь, побудит мать продолжать начавшееся взаимодействие и изменять свое поведение, подстраиваясь под ребенка. А младенец, получив новый позитивный опыт общения, будет и в дальнейшем отвечать на инициативы матери, так что со временем монолог матери перейдет в гармоничный диалог матери и ребенка.

Меняется не только речь матери, то есть, что и как она говорит, но и выражение лица, движения головы и тела, рук и пальцев, изменение расстояния в процессе общения с малышом. Так, можно отметить преувеличение в выражении лица (глаза широко раскрываются, брови вскидываются), замедленное формирование и долгое удерживание выражения лица, замедление движений, однообразие и повторяемость движений и действий. В поведении матери наблюдаются необычные по темпу и ритму движения приближения и удаления от младенца. Мать может быстро приближаться к ребенку вплоть до расстояния нескольких сантиметров от его лица, а также смотреть на него и говорить одновременно, что необычно для взаимодействия взрослых.

Экспрессивные выражения также постоянны, а репертуар их ограничен, по сравнению с общением с другими людьми. Так, мать использует выражение удивления для проявления готовности или приглашения к взаимодействию; улыбку или выражение интереса для поддержания контакта; хмурится или отводит взгляд, если хочет закончить взаимодействие, а при его избегании - сохраняет нейтральное выражение лица [1, с.14].

Главный вывод, который сделали исследователи, изучавшие поведение матери при взаимодействии с ребенком состоит в том, что постоянные по содержанию и стереотипные проявления матери создают у ребенка ощущение стабильности и предсказуемости окружающего мира, чувство безопасности.

Начиная с третьего месяца жизни, младенец способен посылать матери «двойственные» сигналы, с помощью которых он инициирует мать к взаимодействию или хочет его прервать. Если ребенок поворачивает голову лицом к матери, смотрит ей в глаза, улыбается, произносит тихие протяжные звуки – это приглашение к общению и взаимодействию. С другой стороны, отвод взгляда, отворачивание, наклон головы, сигнализируют о нежелательности и избегании контактов.

Таким образом, взаимодействие матери и ребенка – это процесс взаимного приспособления, в котором ответы партнеров взаимообусловлены и ритмически организованы.

Примерно в 5 месяцев происходит перелом в развитии ребенка. Он связан с возникновением акта хватания – первого организованного, направленного действия. Акт хватания имеет чрезвычайное значение для психического развития ребенка. С ним связано возникновение предметного восприятия.

Хватание, направление к предмету стимулирует возникновение сидения. Когда ребенок садится, перед ним открываются другие предметы. Появляются предметы, к которым притронуться нельзя. Проявляется закон опережающего знакомства ребенка с миром. Ребенок тянется к предмету, он привлекателен, но получить его можно только с помощью взрослого.

Благодаря этому общение приобретает другой характер, оно становится общением по поводу предметов. Лисина М.И. назвала его ситуативно-деловым. При такой форме общения дети ищут присутствия матери, требуют ее внимания, но и этого недостаточно – детям нужно, чтобы мать имела отношение к тому, чем занимается ребенок, и активно участвовал в этом процессе.

Изменение предмета общения требует новых средств и способов воздействия на взрослого. Из протянутой к недостижимому предмету руки возникает указательный жест. Он уже предметно отнесен и содержит в себе зародыш слова.

Начиная с 9 месяцев, у младенца формируется качественно новая форма взаимодействия с матерью. Появляется ориентация на эмоциональную реакцию значимого взрослого для оценки и понимания событий. Ребенок, сталкиваясь с ситуациями неопределенности, ищет информацию для понимания и оценки ситуации. С этой целью ребенок смотрит на выражение лица матери, стараясь уловить его реакцию на происходящее. Аналогично ребенок ориентируется на поведение матери, ее эмоциональную реакцию при встрече с незнакомым человеком.

К концу первого года жизни у ребенка появляются значимые новообразования, которые также изменяют характер общения матери и ребенка. К этим новообразованиям относится ходьба и появление первых слов.

Эльконин Д.Б. подчеркивал, что главное в акте ходьбы не только то, что расширяется пространство ребенка, но и то, что ребенок отделяет себя от взрослого. Впервые происходит раздробление единой социальной ситуации «Мы», теперь не мама ведет ребенка, а он ведет маму, куда хочет. Ходьба – первое основное новообразование младенческого возраста, знаменующее собой разрыв старой ситуации развития.

Второе основное новообразование этого возраста – появление первого слова. Особенность первых слов в том, что они носят характер указательных жестов. Ходьба и обогащение предметных действий требуют речи, которая бы удовлетворяла общение по поводу предметов.

Таким образом, большое значение для понимания природы детско-материнских отношений имеет положение Выготского Л.С. [2, с.104] о том, что любой контакт младенца с внешним миром опосредован значимым для ребенка взрослым окружением. Отношение ребенка к окружающему неизбежно преломлено отношением к другому человеку, во всякой ситуации его взаимодействия с миром явно или неявно присутствует другой человек.

Раскрытие особенностей отношений матери и ребенка первых лет жизни так же связаны с понятием привязанности.

В основе теории привязанности лежит положение о том, что любое отношение человека к окружающему миру и к себе изначально опосредовано отношениями между двумя людьми, которые в дальнейшем определяют весь душевный склад личности. Центральным понятием теории привязанности является «объект привязанности». Для большинства детей первичный объект привязанности — это мать. Если первичный объект привязанности обеспечивает ребенку безопасность, надежность и уверенность в защите, то ребенок в дальнейшем будет способен наладить отношения с другими людьми. Однако до тех пор, пока не будет удовлетворена базисная потребность в первичном объекте привязанности, человек не сможет установить вторичную привязанность с другими людьми — сверстниками, учителями, лицами противоположного пола.

Различают 3 основных периода формирования детско-материнской привязанности в первые годы жизни:

1. период до 3 месяцев, когда младенцы проявляют интерес и ищут эмоциональной близости со всеми взрослыми, как знакомыми, так и незнакомыми;

2. период 3-6 месяцев. В этот период младенец начинает различать знакомых и незнакомых взрослых. Постепенно ребенок выделяет мать из объектов окружающего, отдавая ей предпочтение. Выделение матери из взрослого окружения основывается на предпочтении ее голоса, лица, рук и происходит тем быстрее, чем адекватнее мать реагирует на подаваемые младенцем сигналы;

3. период 7-8 месяцев. Происходит формирование избирательной привязанности к ближайшему взрослому. Отмечается тревога и страх при общении с незнакомыми взрослыми («страхи 8-го месяца жизни»).

Привязанность ребенка к матери наиболее сильна в 1-1,5 года. Она несколько уменьшается к 2,5-3 годам, когда в поведении ребенка отчетливо намечаются другие тенденции — стремление к самостоятельности и самоутверждению, связанные с развитием самосознания.

Качество привязанности существенно зависит от характера и вида взаимодействий между матерью и ребенком. Надежная привязанность формируется при высоком уровне активности младенца в ситуациях кормления и бодрствования. Умение матери поддерживать инициативу ребенка, устанавливать с ним контакт взглядов, синхронизировать действия и вести диалог способствует формированию надежной привязанности. Ненадежная привязанность развивается у ребенка в условиях низкой активности матери в режимные моменты, неспособности удовлетворения потребности ребенка в эмоциональном контакте.

Подводя итоги, следует отметить, что общение и взаимодействие с ребенком рассматривается в качестве наиболее важного источника детского развития. Влияние матери на здоровье и психическую полноценность ребенка в период младенчества и раннего детства формирует базовое доверие к миру, что не может быть восполнено в последующей жизни. И в следствие отсутствующей или недостаточной материнской поддержки в первые годы жизни может приводить к выраженному нарушению психического и физического созревания ребенка, дезинтеграции привязанности как важнейшего условия развития психики младенца, дезадаптации и психосоматическим расстройствам.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Привязанность ребенка к матери и образ себя в раннем детстве // Вопросы психологи. 1997. №4. с. 3-12.
2. *Выготский Л.С.* Психологическое развитие человека. М.: Изд-во Смысл, Эксмо. 2005. С. 113-122.
3. *Лисина М.И.* Изучение общения с окружающими людьми у детей дошкольного возраста. М.: Наука. 1980. с.22 - 40 .
4. *Микиртумов Б.Е., Коцавцев А.Г., Гречаный С.В.* Клиническая психиатрия раннего детского возраста. СПб: Питер. 2001. с. 210-251
5. *Обухова Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: 1996. 352 с